

Глава 10

Книга даров

Чу Гуан вернулся домой, когда сумерки уже начали сгущаться над деревней.

После того как из-за болезни Чу Цы пришлось распродать семейные земли, старший брат брался за любую работу. Он подряжался к соседям, помогал на стройках — в день выходило от десяти до двадцати монет.

Крестьяне — народ прижимистый: деньги платили исправно, а вот на еду скупилась. За весь день мужчине перепало лишь две чашки жидкой рисовой похлёбки, в которой зёрен было столько, что из них и комочка не слепить. И даже при этом хозяйка-старуха втихомолку ворчала, мол, работники нынче больно прожорливые пошли.

Чу Гуан лишь вздыхал, но, в отличие от многих, не бросал работу на полпути и не отлынивал. Ему хотелось поскорее закончить дела и найти хозяина пощедрее.

Едва приблизившись к родному порогу, он замер, окутанный дразнящим ароматом. Старший брат невольно потянул носом, и в тот же миг пустой желудок отозвался жалобным урчанием.

«Кто же это Новый год среди осени празднует? — подумал он. — Совсем стыд потеряли, дразнят добрых людей такими запахами»

С этими мыслями Чу Гуан шагнул во двор и с изумлением обнаружил, что аромат, становясь всё гуще, доносится из его собственного дома. На столе в комнате уже красовалось огромное блюдо с пельменями — белоснежными, лоснящимися, с тонким тестом и сочной начинкой.

— Брат вернулся? — Чу Цы вышел к нему, неся приборы. — Мой руки и садись скорее, только тебя и ждём.

Затем он обернулся и крикнул в сторону заднего двора:

— Эй, выходите уже! Можно обедать!

Чу Гуан только хотел спросить, кого это братишка зовёт, как из-за дома показался его сын вместе с соседским охотником Цинь Чжао. Оба сжимали в руках те самые диковинные рогатки.

Сяо Юань выпятил губу, всем своим видом выказывая недовольство. Глаз у Цинь Чжао оказался зорче, а рука — крепче. Мальчик чувствовал, что в этом состязании он потерпел сокрушительное поражение.

— Чего губы надул? — прикрикнул отец. — Сходи-ка к матери, возьми пару монет да сбегай на край деревни за вином.

— Не нужно, брат, — остановил его Чу Цы. — Братец Цинь своё принёс. Домашнее вино на костях тигра — говорит, целебное, силы восстанавливает.

С этими словами младший брат скрылся на кухне и вынес небольшой глиняный кувшин.

Как говорится, к пельменям да вино — жизнь пойдёт ладно. Трое мужчин за столом принялись за еду с великим удовольствием, в то время как остальные просто наслаждались угощением.

В начинку, помимо сочной свинины, добавили сушёные дикие травы, а Шэнь Сюнян по привычке капнула в фарш немного кунжутного масла. Пельмени вышли нежными, ароматными и совсем не жирными — такие отведаешь раз, и полгода вспоминать будешь.

На готовку ушло около трёх цзиней муки, но всё съели в один присест. Основной удар приняли на себя Чу Гуан и Цинь Чжао — на их долю пришлась едва ли не половина всего блюда.

Сяо Юань печально посмотрел на оставшиеся в его чашке два пельменя и горестно вздохнул. И в еде он тоже проиграл...

Цыплята подрастали, дни сменяли друг друга, и незаметно наступил десятый месяц.

Чу Цы очнулся в этом мире сразу после Праздника середины осени, и с тех пор прошло уже около полутора месяцев.

В прошлый свой визит в городок Пинъань он сдал в лавку рукописные шаблоны для шести повестей-хуабэнь и выручил за них около одного ляна серебра. Эти деньги юноша сразу отдал невестке на хозяйство.

Благодаря этому семья смогла вздохнуть свободнее, иначе им не на что было бы даже справить подарки для соседей.

Через несколько дней в деревне Чанси намечалась свадьба. Женился местный парень по имени Хэ Саньлан. Было ему всего восемнадцать. Работая подмастерьем у плотника, он познакомился с девушкой из соседней деревни.

Некоторое время они тайно встречались, и когда поняли, что чувства взаимны, Саньлан попросил родителей заслать сватов. Семья невесты оказалась зажиточной, а родители — людьми не злыми: препятствий чинить не стали и дали согласие.

По деревенскому обычаю, на свадьбы и похороны звали всех жителей, в то время как на новоселье или рождение ребёнка приглашали только родню.

В день свадебного пира все потянулись к дому семьи Хэ с подарками. Однако в самом доме царил переполох. Старый учитель Чжан, который должен был вести Книгу даров, внезапно занемог животом, и родные в спешке повезли его в город к лекарю.

Книга даров — вещь серьёзная. По ней потом смотрят, сколько и кому дарить в ответ. Если кто-то принёс много, а ты отдарисься малым — позора не оберёшься.

Грамотеев в деревне хватало, но тех, кто мог похвастаться красивым почерком, было раз-два и обчёлся. Тут-то кто-то и подал голос:

— А не позвать ли нам Сюэя Чу?

— Думаешь, он согласится нам помогать? — с сомнением спросила матушка Хэ. Всё-таки он был учёным мужем.

— Спросить-то не зазорно, — рассудил староста. — Соседи всё же. Да и Чу Цы в последнее время стал куда покладистее.

— Верно, — согласился старик Хэ.

Подхватив сверток со свадебными сладостями, он направился напрямик к дому семьи Чу.

Её члены сегодня были в сборе — по случаю праздника Чу Гуан устроил себе выходной. Он сидел во дворе и плел корзину, когда увидел гостя у калитки.

— Дядюшка Хэ! У вашего Саньлана сегодня свадьба, как вы время-то выкроили? Заходите, присаживайтесь.

Хозяин дома принял просителя радушно, но старик Хэ явно чувствовал себя неловко. Протянув сладости, он заговорил:

— Старший Чу, мне бы с твоим братом перемолвиться... Помощь его нужна, дома ли он?

Старик заметно волновался. Если свадьба пойдёт наперекосяк из-за неучтенных подарков, молодожёны потом всю жизнь ссориться будут.

— Сяо Эр, выйди-ка! Дядюшка Хэ пришёл по делу, — крикнул Чу Гуан в дом и усадил гостя на скамью.

— Что за дело у дядюшки ко мне? Говорите, не стесняйтесь, — произнёс Чу Цы, выходя на крыльцо. Перед чужими людьми он всегда старался поддерживать образ благовоспитанного учёного.

— Сюцай Чу, беда у нас. Сегодня Саньлан женится, мы звали учителя Чжана вести Книгу даров, да вот незадача — прихватило его. Другого грамотея в такой час не сыскать... Вы в нашей деревне человек самый учёный, вот я и осмелился просить: не откажите, помогите со списком, — старик смотрел на него с такой надежной, будто от этого зависела судьба всей свадьбы.

— Дело благое, — улыбнулся Чу Цы. — С радостью разделю с вами эту суету и заберу немного счастья. Ступайте, дядюшка, я только соберусь и сразу приду.

Услышав быстрый и приветливый ответ, старик Хэ заметно приободрился.

— Спасибо, спасибо тебе! Побегу я, дел ещё невпроворот.

И, не тратя времени на лишние церемонии, он поспешил обратно.

Чу Цы переоделся в праздничное платье, подхватил ларец с тушью и кистями и отправился к соседям. Сяо Юань, высунув голову из своей комнаты, тут же пристроился следом. Чу Гуан даже крикнуть не успел.

— Вот же сорванец, — проворчал отец, глядя им вслед. — Ни на шаг от дяди не отходит, совсем про меня забыл.

— Да и пусть ходит, — отозвалась вышедшая во двор Шэнь Сюнян. — Дядюшка его всякому добру научит, на всю жизнь знаний хватит.

— Твоя правда, — Чу Гуан довольно хмыкнул, вспомнив, какой у него замечательный младший брат, и вернулся к работе.

В деревне их чета считалась неразговорчивой, но наедине супруги могли болтать часами. Видно, и впрямь — муж и жена — одна сатана.

Тем временем Чу Цы вместе с племянником добрались до дома Хэ. Хозяева тут же усадили его на почётное место, завалили чайными сладостями и фруктами — гостеприимство было выше всяких похвал.

Отнекиваться от почётного места Сюцай Чу не стал — сегодня его статус был едва ли не выше, чем у самих новобрачных. Не теряя времени, он взял Книгу даров и небрежно пролистал прежние записи, на ходу вникая в правила ведения списка.

К счастью, дело оказалось нехитрым. Открыв чистую страницу, юноша спросил:

— Ну, кто первый?

— Пишите меня! — крикнула какая-то женщина, проталкиваясь сквозь толпу. — Семья Ван Сыхая, пятьдесят монет.

Она назвала имя мужа, и Чу Цы аккуратно вывел иероглифы: в верхней графе «Ван Сыхай», в нижней — «пятьдесят монет».

Стоявшие рядом соседи так и замерли, глядя, как из-под его кисти выходят удивительно красивые, летящие знаки. Похвалы посыпались на него со всех сторон.

Сяо Юань стоял рядом, сияя от гордости. С каждой новой фразой его улыбка становилась всё шире — можно было подумать, что хвалили его самого.

Чу Цы вежливо отвечал всем, не переставая заносить в книгу имена и суммы. Он невольно сравнивал это простое соседское участие с современными обычаями и даже не заметил, как сам стал главной темой для сплетен.

— Послушай-ка, — шептала одна женщина другой, — этот сюцай Чу... он уже помолвлен?

— Да какой там! — вздохнула собеседница. — Кто же к ним свататься посмеет? Он ведь в большие люди метит, сановником станет. Разве он на простой деревенской девке женится?

— И то верно. В нашем уезде Юаньшань про него только ленивый не слышал — говорят, сам Вэньцюйсин во плоти! А сегодня посмотрела на него — и впрямь, хорош собой, глаз не отвести.

Гостья не слишком расстроилась — спросила-то просто из любопытства.

Снаружи затрещали петарды, и внимание толпы наконец переключилось на вход. Чу Цы воспользовался моментом, чтобы потянуться и размять затекшие мышцы. Оказалось, что сидеть над Книгой даров едва ли не тяжелее, чем целый день рисовать картины.

Сяо Юань, проявивший чудеса выдержки, при первых звуках праздника не выдержал.

— Иди, — Чу Цы потрепал племянника по голове, — посмотри на невесту.

— Ага!

Сяо Юаню только того и было нужно. Не успел дядя договорить, как мальчишка уже умчался в гущу толпы.

Чу Цы невольно рассмеялся, подумав, что в следующий раз нужно приучить малого проситься самому.

<http://bllate.org/book/15354/1415999>